

Инновационные и консервативные тенденции в умонастроениях русской интеллигенции в исторической ретроспективе

Е.В. КОРЕНЬ

Рассматриваются инновационные и консервативные тенденции в умонастроениях русской интеллигенции от эпохи выкристаллизовывания ее как особой общественной группы (XVIII в.) до утверждения ее в качестве значимой и действенной общественной силы (XIX в.). Новизна и актуальность темы обусловлены недостаточной освещенностью в историографии проблемы диалектической связи новаторства и консерватизма в менталитете русской интеллигенции и ростом общественного и научного интереса к истории и философии духовной культуры и интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: интеллигенция, умонастроения, менталитет, инновация, консерватизм, охранительство, служение, общественное благо, долг, честь.

The innovative and conservative trends in the mindset of the Russian intelligentsia are considered from the era of crystallising it as a particular social group (XVIII c.) before its approval as a meaningful and effective social force (XIX c.). The novelty and relevance of the topic are due to insufficient lighting in the historiography of the problem of the dialectical relation of innovation and conservatism in the mentality of the Russian intelligentsia and the growing public and scientific interest in the history and philosophy of spiritual culture and intellectual activity.

Keywords: intelligence, mindset, mentality, innovation, conservatism, service, public good, duty, honor.

Сосредоточием креативного потенциала русского общества с XVIII – до XX в. являлась интеллигенция, активно влиявшая на общественно-культурные процессы, на формирование и состояние общественных идеалов, на историческую память народа.

Темам интеллигенции, либерализма, консерватизма в России посвящено огромное количество литературы. Однако, на наш взгляд, в отдельном исследовании нуждается проблема взаимовлияния новаторства и консерватизма, либерализма и охранительства в умонастроениях русской интеллигенции в исторической ретроспективе. Это обстоятельство оказало существенное влияние на характер русской культуры и судьбы общества, на менталитет интеллигенции в духовном (религиозном и философском), политико-моральном планах. Между тем, отдельные авторы (Д.С. Мережковский, Н.А. Бердяев, Л.С. Яковлев, Ю.Е. Кондаков, А.А. Ширинянц, В. Варавва) в различных аспектах только обращали внимание на противоречивую взаимосвязь новаторства и консерватизма, революционности и реакционности в саомосознании русской интеллигенции [1, с. 142], [2, с. 129, 242], [3, с. 326, 335], [4, с. 4, 9, 273], [5, с. 3], [6, с. 24].

Интеллигенция (от лат. *intelligens* – мыслящий, понимающий, духовный) – это специфически российское явление в плане общественной роли [7, с. 46], [8, с. 216], [9, с. 10–11]. По мнению В.В. Кожина, интеллигенция в России играла роль, «аналогичную роли демократических институтов и учреждений в странах Запада» [10, с. 110]. Название интеллигенция в пореформенную эпоху 1860–х гг. применялось в отношении группы интеллектуалов, преимущественно разночинского происхождения, стоявших в радикальной оппозиции к власти, часто скептически относившихся к правительственным реформам и ратовавших за интересы народа. Несколько ранее это понятие использовалось литераторами пушкинского круга (Жуковским, например) для обозначения представителей образованных светских кругов [11, с. 24].

Понятие *интеллигенция* в России с самого начала приобрело морально-политическое звучание. Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев указывали на ошибочность распространения термина интеллигенция на всех образованных людей вообще [12, с. 67] [13, с. 406–407]. Бердяев выделил два типа интеллигенции. Во-первых, интеллигенция – это «созидатели духовной культуры нации», «лучшая часть общества», наиболее образованная, благородная, талантливая и творческая, которая «есть соль земли, истинная выразительница народного духа» [12, с. 69–70]. Во-вторых, интеллигенция – это «третий элемент», ведущий свое начало от 1860-х гг., имеющий сильный сословно-классовый привкус. Говоря о передовой роли интеллигенции в общественной

жизни, Бердяев подчеркивает, что дворянские интеллектуалы, вольно отрекавшиеся от своих сословных привилегий «во имя всенародной правды», более достойны признания, чем круг деятелей, ограниченных «направленческими, узкоинтеллигентскими интересами» [12, с. 68–71]. Такова роль А.С. Пушкина, декабристов, М.Ю. Лермонтова, П.Я. Чаадаева, многих славянофилов и западников, А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др. [12, с. 76].

Г.П. Федотов, В.В. Кожин, начиная историю интеллигенции с Древней Руси, причисляют к ней именно носителей общественной совести и выразителей духовно-интеллектуальной сущности народа от автора Слова о полку Игореве до Л.Н. Толстого.

Р.В. Иванов-Разумник, исследуя историю русской общественной мысли, констатировал, что интеллигенция – это «этически антимеркантистская, социологически внесословная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому, и умственному, общественному и индивидуальному освобождению личности» [14, сс. 20, 151, 190].

По мнению И.В. Кондакова, интеллигенция это – «круг людей, чьими знаниями и мыслительными усилиями создаются и поддерживаются ценности, нормы и традиции культуры» [15, с. 65]. К.Б. Соколов называет интеллигенцией всех, кто профессионально занимается формированием, сохранением и изменением картины мира любого (от самого консервативно-охранительного до самого леворадикального) образца во все времена [16, с. 162–164, 192].

Принадлежность к интеллигенции в России XIX – первой четверти XX в. определялась не только интеллектуальной деятельностью, но и высокими духовно-нравственными запросами и качествами личности, приверженностью к идее «общественного блага», предпочтением духовных ценностей и общенациональных интересов каким-либо корпоративным приоритетам.

Особенно активный период общественно-культурной деятельности интеллигенции приходится на вторую половину XVIII в. – первую четверть XX в. Это связано со спецификой общественно-политического и духовно-культурного развития страны. История России Нового времени представляет собой сплошную цепочку переломных эпох: смута, религиозные реформы, петровские реформы, дворцовые перевороты, буржуазные реформы 1860–х гг., революции XX в.

Типичной чертой общественно-политической и духовно-культурной жизни было постоянное чередование эпох реакции и либерализма, взаимодействие и противоречие консервативных, инновационных, революционных тенденций. Современный исследователь Л.М. Гаспаров даже причины появления интеллигенции связывает с тем, что России за три века пришлось пройти «ускоренный курс европейского развития». Интеллигенция играла роль своего рода двигателя в беспрестанных реформационных процессах XVIII–XIX вв. [9, с. 10]. «Власть была нерасчлененной и аморфной, она требовала не специалистов, а универсалов» [9, с. 10]. Этот универсализм прослеживается в менталитете многих представителей русской интеллигенции. Так, М.В. Ломоносов был разносторонним ученым, автором уникальных полотен на основе мозаики, общественным деятелем. Декабрист Н.А. Бестужев был морским офицером, талантливым инженером и историографом русского флота. П.А. Флоренский – богослов, священник, математик, философ. Такими примерами полна история России.

Все это влияло на мировоззрение и систему ценностей интеллигенции, обусловило напряженные духовные поиски и способствовало специфическому синтезу прогрессистских и консервативных черт менталитета интеллигенции (новаторства и охранительства).

На эволюцию и характер интеллигентского менталитета существенно повлияли религиозные процессы в России – конфессиональная политика властей, религиозные и религиозно-философские (масонство) движения и т. п. В духовных исканиях интеллигенции происходил своеобразный синтез христианско-православных идеалов святости с гуманистическими и просветительскими ценностями. Это способствовало развитию в XIX в. таких уникальных явлений, как религиозная философия (софиология) и теургическая эстетика.

Специфическое воздействие на менталитет русской интеллигенции оказала политика европеизации, проводившаяся верховной властью. Это, с одной стороны, способствовало межкультурным контактам, расширению образованного слоя русского общества. Но насильственные меры, пренебрежение национальными духовными ценностями, которое не редко

допускалось монархами от Петра 1 до Александра 1, вызывало отрицательную реакцию в различных образованных кругах общества [4, с. 270]. Интерес к истории допетровской России часто приобретал фрондирующий характер (например, сочинение «О повреждении нравов в России» М.М. Щербатова). Н.М. Карамзин, консервативно настроенный, но приверженный идеалам Просвещения, резко осуждал самодержавный произвол Ивана Грозного в своей «Истории государства Российского».

Отличаясь довольно высокой степенью развития исторического самосознания, русская интеллигенция XVIII–XIX вв. стремилась осмысливать настоящее с учетом духовного опыта прошлого, синтезировать национальные и общечеловеческие духовные ценности. Декабристы, славянофилы, западники в истории искали и находили обоснование своих идей, и либеральных и консервативных. В искусстве первой четверти XIX в., в связи с патриотическим подзаемом, вызванным Отечественной войной 1812 г., были востребованы исторические образы Минина и Пожарского. Для либеральной и демократической интеллигенции, начиная с А.И. Герцена, символом были образы казненных декабристов.

Поскольку русская интеллигенция сформировалась преимущественно на основе дворянской интеллектуальной элиты, для ее менталитета были характерны многие дворянские черты [17, т. 1, с. 682] [18, т. 1, с. 82–85] [19, с. 41–43]. Передовые освободительные идеи имели налет аристократизма [20, с. 181]. Просветительство и гуманизм сочетались в интеллигентском сознании с дворянскими идеалами чести, верного служения отечеству, ответственности за его судьбу и историю [21, с. 40]. Идея «служения отечеству», укорененная в дворянском сознании, имела сильное влияние на характер социальной активности интеллигенции, ее обостренное чувство справедливости (правдоискание), гипертрофированные, исторической значимости и гражданской ответственности [22, с. 41–43]. Идею «общественного блага» интеллигенты нередко исповедовали с религиозным рвением.

Во второй половине XVIII в. появился тип общественно активных дворянских интеллектуалов, которые осознавали себя скорее культурной аристократией, чем феодальной, претендовали на руководство обществом и властью, стремились «исправлять нравы». Свои занятия литературой, искусством, наукой они ставили выше знатного происхождения, титула и чина [23, сс. 31, 52–55, 128]. О братьях Н. и П. Паниных исследователь Г.А. Гуковский удачно заметил, что они по складу своего миропонимания и культуры были «интеллигентами и феодалами» [23, с. 128].

Представления интеллигенции о служении отечеству значительно эволюционировали в XVIII – XIX вв. Так, например, В.Н. Татищев призывал сына в своей «Духовной» верно и честно служить царю и отечеству и радеть о «благое общем» [24, с. 140]. М.М. Щербатов, выступавший защитником дворянских привилегий в Уложенной комиссии 1767 г. и одновременно осуждавший абсолютизм как «самовластное мучительство, в коем нет иных законов, кроме безумных своенравий деспота», напутствовал сына: «Будь верен государю, но самая первая твоя любовь и верность должна быть государству» [25, с. 16]. Щербатов считал ужасным, что миллионы людей «могут быть сравнены со скотами», требовал запрещения продавать крепостных крестьян в розницу, был противником увеличения числа душевладельцев [25, сс. 27, 31, 78–81].

После отмены обязательной службы многие дворянские интеллектуалы сменили государственную службу на иное важное служение Отечеству – на общественно-культурную, просветительскую деятельность, как, например, Н.И. Новиков и др. А.Т. Болотов вспоминал: «Я, полюбив науки и прилепившись к учености, возненавидел уже давно шумную и беспокойную военную жизнь и ничего уже так в сердце своем не желал, как удалиться в деревню, посвятить себя мирной и спокойной деревенской жизни и проводить остальные дни свои посреди книг своих и в сообществе с музами» [26, т. 1, с. 303].

А.Н. Радищев главным смыслом своей жизни сделал именно культурно-просветительскую деятельность. Откровенно называя пороки российской жизни, он видел в этом исполнение долга честного человека и «истинного сына отечества» [27, сс. 105–110, 278]. Для декабриста И.И. Пущина участие в деятельности тайных обществ было именно «новым служением отечеству» [28, с. 67].

Дворянские понятия чести и долга просвещенные дворяне интерпретировали не в феодальном, а именно в интеллигентском контексте. Так, А.П. Сумароков в сатире «О благородстве» говорил: «Достоин я, коль я сыскал почтенье сам, // А если ни к какой я должности не годен, – // Мой предок дворянин, а я не благороден» [29, с. 53]. Ему вторил Г.Р. Державин в сатире «Вельможа»: «Хочу достоинства я чтить, // Которые собою сами // Умели титулы заслужить // Похвальными себе делами» [29, с. 108].

Д.И. Фонвизин, автор комедии «Недоросль», написал два сочинения реформаторского характера: «Рассуждение о третьем чине» в 1766 г. и «Рассуждение о непременных государственных законах» (1780-е гг.). В первом [30, с. 115] он говорил о необходимости социальных реформ, освобождении талантливых крепостных, а во втором – о пагубности злоупотреблений в управлении государством и важности законов, которым подвластен и монарх [30 сс. 257, 261, 266]. Фонвизин бичевал феодальные предрассудки, но положительным персонажем комедии «Недоросль» он сделал именно Стародума.

И.А. Крылов высмеивал сословное чванство и невежество в сатирических памфлетах, напечатанных в «Почте духов»: «Деревенский дворянин... почел бы обеспеченным благородство древней своей фамилии, если б занялся когда чтением какой нравоучительной книги... Науки почитает он совсем несвойственным для благородных людей упражнением» [31, с. 102]. Невежество характеризуется Крыловым как порок.

Под влиянием христианских и просветительских идей в сознании дворянских интеллигентов зародилась тенденция к раскаянию в историческом дворянском грехе владения «крещеной собственностью» и сострадание к угнетенным крестьянам. Чувства передовой интеллигенции конца XVIII – начала XIX в. по отношению к крепостническим порядкам очень точно характеризуют слова А.Н. Радищева: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала» [27, с. 95]. Напоминая о Пугачеве в «Путешествии из Петербурга в Москву», А.Н. Радищев вопрошает собратий по сословию: «Но если ужас гибели и опасность стяжаний подвинуть может слабого из вас, неужели не будем мы толико мужественны в побеждении наших предрассуждений, в попрании нашего корыстолюбия и не освободим братию нашу из оков рабства и не восстановим природное всех равенство?» [27, с. 196]. Начиная с А.Н. Радищева и до 1917 г., интеллигенция видела свою главную задачу в борьбе с социальной несправедливостью.

В декабристские времена идея «общественного блага» уже не только возвышала интеллигентов над сословными интересами, но и обуславливала в их умонастроениях идеи о самопожертвовании ради «общественного блага». Писатель М.Н. Муравьев, выражая свое стремление к «благу общему» в XVIII в., призывал помнить, что «бедный теперь голоден» [32, с. 290–292]. Его сын, автор декабристской Конституции Н.М. Муравьев, и его соратники на деле защищали солдат от избиения, кормили крестьян в голодные годы, выкупали талантливых крепостных на волю, боролись против произвола в администрации, в армии, в суде, заводили ланкастерские школы и училища для солдат и крестьян. По мнению Ю.М. Лотмана, декабристы «скорее напоминали молодых ученых, чем армейскую вольницу» [19, с. 380–383]. И.Д. Якушкин и С.П. Трубецкой вспоминали, что многие «офицеры изучали науки», имеющие целью «усовершенствование гражданского быта государства» [33, с. 382–383] [34, с. 86–87].

Декабристы в своих действиях руководствовались не только сочувствием к угнетенному народу, но и сознанием чести и долга в гражданском смысле. Поэтому, если, например, долг перед отечеством не совпадал с требованием присяги императору, декабристы выбирали то, что им велела честь. Это блестяще выразил арестованный по делу декабристов А.Н. Раевский: «Государь! честь дороже присяги, нарушив первую, человек не может существовать, тогда как без второй он может обойтись еще» [35, с. 54].

Д.И. Завалишин писал: «Для истинной нравственности я не допускал никакого раздвоения... я считал нечестным делом не только одно присвоение денег, но и всякую несправедливость для личной цели. Еще меньше я понимал, что можно быть честным в одном деле и нечестным в другом, платить карточный долг равному себе и не платить мастеровому, говорить об улучшении быта народного и в то же время распутствовать, развращая народ и соблазняя его собственным примером и тем отравляя нравственность в самом жизненном источнике ее, упрекать народ в пьянстве и самому участвовать в оргиях» [36, с. 13].

В момент междоусобицы 1825 г. декабристов толкало на открытое выступление именно чувство чести. Постыдные торги в высших кругах о России как семейной собственности правящей династии, равнодушные и насмешливые выражения и вопросы «кому продадутся бараны?» сильно задевали созревшее гражданское чувство [34, с. 42]. И.И. Пущин в письме А.С. Пушкину писал, что «ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов» [28, с. 84].

В сознании декабристов имелись явные тенденции к сочетанию реформаторских устремлений с консерватизмом. Они создали революционные тайные общества, открыто выступили против верховной власти. Однако, восстание на Сенатской площади в Петербурге превратилось в вооруженную демонстрацию. Восстание Черниговского полка в Киевской губернии вылилось в своего рода военные маневры. После подавления движения многие декабристы каялись, писали императору письма, пытаясь объяснить причины общественного недовольства. Они в то же время призывали к реформам, предлагая свое участие.

Характерно, что дальнейшая деятельность декабристов была чисто интеллигентской, культурно-просветительской [37]. Их «каторжная академия», школы и училища в Сибири были закономерным результатом их политического движения. Н.Д. Францева писала, что декабристы «имели громадное нравственное влияние на сибиряков: их прямота, всегдашняя со всеми учтивость, простота в обращении и вместе с тем возвышенность чувств ставили их выше всех, а между тем они были равно доступны для каждого» [38, с. 386]. Н.А. Белоголовый отмечал, что «истинное просвещение сделало то, что люди эти не кичились ни своим происхождением, ни превосходством образования, а, напротив, старались искренно и тесно сблизиться с окружающей их провинциальной средой и внесли в нее свет своих познаний... они были такими живыми образцами культуры, что естественным образом поднимали значение и достоинство ее в глазах всякого, кто приходил с ними в соприкосновение...» [38, с. 369].

Декабризм способствовал росту реформаторских настроений, усилению дискуссий между либерально и консервативно настроенной интеллигенцией. Он оказал сильнейшее влияние на политический и духовно-нравственный поиск в России [39, с. 43]. Н.А. Бердяев отмечал, что российская общественная мысль приобрела социальную окраску. Неудача декабристов привела к отвлеченному идеализму 30-х и 40-х гг. [40, с. 62–63]. Причастный в свое время к декабристскому движению П.Я. Чаадаев в «Философических письмах», давших мощный импульс движению русской философской мысли, назвал рабство главной причиной отсталости России, ибо оно есть тот «заколдованный круг», который парализует русское общество, превращает «в ничто самые благородные усилия... пятнает все наши добродетели» [41, с. 60–61].

Философ русского зарубежья С.А. Левицкий отмечал, что в последекабристский период усилилась философская рефлексия интеллигенции, что привело к размежеванию славянофилов и западников по вопросу «об историческом предназначении России» и ее «верховном идеале». По мнению философа, «самостоятельная русская мысль начинается именно с этого раскола» [42, с. 43]. В западничестве и славянофильстве наиболее четко обозначились взаимодействие и противоречие инновационных и консервативных тенденций в умонастроениях интеллигенции.

Во второй половине XIX в. ряды интеллигенции сильно расширились. Огромная ее часть революционизировалась под давлением властного произвола, часто подчиняя нравственные понятия чести и долга революционным целям [43, с. 25] [44, с. 29–30]. Н.А. Бердяев констатировал, что «в сознании русской интеллигенции европейские философские учения воспринимались в искаженном виде, приспособлялись к специфическим интеллигентским интересам» [43, с. 25].

Освободительное движение все более радикализировалось, как под влиянием правительственной реакции, так и революционной пропаганды. Революционерка В.Н. Фигнер признавала, что «террор портит нравы» и что «в этом смысле правительство и партия, вступившие, что называется, врукопашную, конкурировали в развращении окружающей среды» [45, сс. 285, 288]. Лозунг «цель оправдывает средства» постепенно перестал быть отталкивающим в среде революционной интеллигенции [45, с. 137, 208, 257]. Декабрист М.А. Фонвизин в статье «О коммунизме и социализме» писал о новых революционерах, что «способы, которыми они думают исправить общество и восстановить его в состояние нормальное, часто ошибочны... самые попытки осуществить подобные меры угрожают обществу разрушением, возвращением его в состояние дикости и окончатся властью диктатуры одного лица, как необходимым последствием анархии» [46, т. 2, с. 281–282].

Оппозиционным интеллигентам начала XX в. декабристы казались более консервативными, чем либеральными. Размышляя о кающихся во время следствия декабристах, Д.С. Мережковский поражался: «Это ли вчерашние мятежники, царубийцы? Революция сползла с них как истлевшее лохмотье, открывая голое тело реакции» [1, с. 140]. Политическая деятельность А.И. Герцена получила уничижительную характеристику В.И. Ленина, сетовавшего, что Герцен писал в «Колоколе» «слащавые письма» «Александру II – вешателю», которые ему, Ленину, «нельзя теперь читать без отвращения» [47, с. 501].

Итак, в умонастроениях и менталитете русской интеллигенции в исторической ретроспективе имели место как реформаторские, так и консервативные черты, высокий уровень исторического самосознания, синтез западных культурных влияний с национальными культурными идеалами. Выражая инновационную культуру общества, русская интеллигенция в то же время стремилась хранить традиционные духовные ценности. Именно поэтому реформаторски настроенные деятели склонны были отступать перед угрозой разрушения культуры и цивилизации в переломные моменты истории, как декабристы, или уходили в философскую рефлексию, как П.Я. Чаадаев, славянофилы, западники, авторы сборника «Вехи», пытаясь определить пути России или даже всего мира.

Литература

1. Мережковский, Д.С. Больная Россия. Избранное / Д.С. Мережковский. – Л. : Изд. ЛГУ, 1991. – 272 с.
2. Бердяев, Н.А. Самопознание / Н.А. Бердяев. – Л. : Лениздат, 1991. – 395 с.
3. Яковлев, Л.С. Адаптация архетипов идеологии Просвещения российской общественной мыслью рубежа XIX–XX вв. / Л.С. Яковлев // В раздумьях о России (XIX век) ; отв. ред. Е.Л. Рудницкая. – М. : Археографический центр, 1996. – С. 325–344.
4. Кондаков, Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX в. [Электронный ресурс] / Ю.Е. Кондаков. – Режим доступа : <http://www.fidel-kastro.ru/history/rossia/kondakov.htm>. – Дата доступа : 22.03.2014.
5. Ширинянц, А.А. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции [Электронный ресурс] / А.А. Ширинянц. – Режим доступа : <http://www.portal-slovo.ru>. – Дата доступа : 27.03.15.
6. Варавва, В. Духовное самоопределение русской интеллигенции. Консерватизм и либерализм: отечественный контекст [Электронный ресурс] / В. Варавва. – Режим доступа : <http://glfr.ru/biblioteka/vladimir-varava/duhovnoe-samoopredelenie-russkoj-intelligencii.html>. – Дата доступа : 27.03.15.
7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М. : Русск. язык, 1981. – Т. 2. – 779 с.
8. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1984. – 797 с.
9. Гаспаров, Л.М. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность / Л.М. Гаспаров // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. – М. : Наука, 1999. – С. 5–14.
10. Кожин, В.В. Попытка беспристрастного размышления об интеллигенции / В.В. Кожин // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. – М. : Наука, 1999. – С. 110–113.
11. Степанов, Ю.С. «Жрец» нарекись, и знаменуйся «жертва» (К понятию интеллигенции в истории российского менталитета) / Ю.С. Степанов // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. – М. : Наука, 1999. – С. 14–44.
12. Бердяев, Н.А. Духовный кризис интеллигенции / Н.А. Бердяев. – М. : Канон, 1998. – 400 с.
13. Федотов, Г.П. Трагедия интеллигенции / Г.П. Федотов // О России и русской философской культуре / сост. М.А. Маслин. – М. : Наука, 1990. – С. 403–443.
14. Иванов-Разумник, Р.В. История русской общественной мысли : в 2 т. // Р.В. Иванов-Разумник. – Пг. : Революционная мысль, 1918. – Т. 1 – 192 с.
15. Кондаков, И.В. К феноменологии русской интеллигенции / И.В. Кондаков // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. – М. : Наука, 1999. – С. 63–90.
16. Соколов, К.Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность / К.Б. Соловьев // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. – М. : Наука, 1999. – С. 149–208.
17. Отечественная история: энциклопедия : в 5 т. – М. : БРЭ, 1994. – Т. 1. – 688 с. : ил.; 1996. – Т. 2. – 656 с. : ил.
18. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / Б.Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, РГНФ, 1999. – Т. 1. – 548 с; Т. 2. – 567 с.

19. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX вв.) / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1994. – 399 с.
20. Марасинова, Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). / Е.Н. Марасинова – М. : РОССПЭН, 1999. – 302 с.
21. Пшеничникова, И.И. К истории морально-этической лексики: Честь и достоинство в текстах XVIII–XIX вв. // Вестник ЛГУ. – 1980. – Вып. 4. История, языковедение, литературоведение. – С. 39–43.
22. Черная, Л.А. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII в. / Л.А. Черная // Общественная мысль: Исследования и публикации. – 1989. – Вып. 1– С. 28–43.
23. Гуковский, Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII в. Дворянская фронда в литературе 1750–1760-х гг. / Г.А. Гуковский. – М.; Л.: АН СССР, Ин-т полит. лит., 1936. – 237 с.
24. Татищев, В.Н. Избранные произведения / В.Н. Татищев. – Л. : Наука, 1979. – 463 с.
25. Федосов, И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII в. М.М. Щербатов / И.А. Федосов. – М. : Изд. МГУ, 1967. – 260 с.
26. Записки А.Т. Болотова. 1737–1796 / А.Т. Болотов. – Тула : Приокское книж. изд., 1988. – Т. 1. – 526 с.; Т. 2. – 527 с.
27. Радищев, А.Н. Избранное / А.Н. Радищев. – М. : Правда, 1988. – 443 с.
28. Пущин, И.И. Записки о Пушкине. Письма / И.И. Пущин. – М. : Художественная литература, 1988. – 559 с.
29. Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина / сост., автор вступ. статьи Л.Ф. Ершов. – М. : Современник, 1988. – 540 с.
30. Фонвизин, Д.И. Собр. соч. : в 2 т. / Д.И. Фонвизин. – М. : Гос. издат. худ. лит., 1959. – Т. 2. – 742 с.
31. Крылов, И.А. Почта духов / И.А. Крылов – СПб. : Императ. Тип., 1802. – IV + 182 с. (Фонд Паскевичей Гомельской обл. б-ки им. В.И. Ленина).
32. Полн. собр. соч. М.Н. Муравьева : в 3 ч. / М.Н. Муравьев – СПб. : Тип. Российской Академии, 1820. – Ч. 3. – 325 с. (Фонд Паскевичей Гомельской обл. б-ки им. В.И. Ленина).
33. Якушкин, И.Д. Записки / И.Д. Якушкин // Декабристы. Избр. соч. : в 2 т. – М. : Правда, 1987. – Т. 2. – С. 380–507.
34. Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности : в 2 т. / С.П. Трубецкой. – Иркутск : Вост.-Сибирское книж. изд., 1983 – Т. 1. – 409 с.
35. Лебедев, А.А. Честь. Духовная судьба и жизненная участь И.Д. Якушкина / А.А. Лебедев. – М. : Изд. полит. литературы, 1989. – 399 с.
36. Записки декабриста Д.И. Завалишина / Д.И. Завалишин. – СПб. : Сириус, 1906. – 464 с.
37. Корень, Е.В. Декабристы после декабря. Ретроспективная самооценка и менталитет / Е.В. Корень // Веснік Гродзенскага дзярж. універсітэта ім. Я. Купалы. Сер 1. Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія. – 2009. – № 3 (86). – С. 12–21.
38. Декабристы в воспоминаниях современников ; под ред. В.А. Федорова. – М. : МГУ, 1988. – 508 с.
39. Рудницкая, Е.Л. В поисках пути // В раздумьях о России (XIX в.) / Е.Л. Рудницкая. – М. : Археографический центр, 1996. – С. 42–73.
40. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев // О России и русской философской культуре / сост. М.А. Маслин. – М. : Наука, 1990. – С. 43–271.
41. Чаадаев, П.Я. Статьи и письма / П.Я. Чаадаев. – М. : Современник, 1989. – 623 с.
42. Левицкий, С.А. Очерки по истории русской философии / С.А. Левицкий. – М. : Канон, 1996. – 496 с.
43. Бердяев, Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Н.А. Бердяев // Вехи: сб. статей о русской интеллигенции: С приложением «Библиографии Вех». – Свердловск : Изд. Уральского ун-та, 1991. – С. 6–25.
44. Булгаков, С.Н. Героизм и подвижничество / С.Н. Булгаков // Вехи: сб. статей о русской интеллигенции: С приложением «Библиографии Вех». – Свердловск : Изд. Уральского ун-та, 1991. – С. 26–68.
45. Фигнер, В.Н. Запечатленный труд. Воспоминание / В.Н. Фигнер. – М. : Наука, 1964. – Т. 1. – 439 с.
46. Фонвизин, М.А. Сочинения и письма : в 2 т. / М.А. Фонвизин. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд., 1979. – Т. 1 – 480 с.; 1982. – Т. 2. – 431 с.
47. Ленин, В.И. Памяти Герцена : полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – М. : Изд. политической литературы, 1980. – Т. 21. – С. 255–262.